

БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ САНГХА РОССИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ОБЩЕСТВО БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЯ-ГАНГА»
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «АЛХАНАЙ»

Участники конференции на родине Агвана Доржиева
в селе Хара-Шибирь Хоринского района Бурятии.
8 июля 2008 г. Фото В. Стефанова

**БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ИСКУССТВО**

Третьи Доржиевские чтения

Материалы конференции
Улан-Удэ — Иволгинский дацан — Алханай
8 — 10 июля 2008 г.

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

Ю.В. Болтач

Элементы традиции ваджраяны в современном корейском буддизме

Современная корейская буддийская традиция ассоциируется по преимуществу с направлением чань (кор. сон), о чем весьма красноречиво говорят сами названия двух ведущих школ традиционного буддизма — чоге-чжон (от названия местности Цао-си, где проповедовал Хуэй-нэн, шестой патриарх школы чань) и тхэго-чжон (по имени наставника Тхэго Поу, который принес в Корею линию преемственности Линь-цзи). Медитация в технике школы Линь-цзи¹ считается у корейских буддистов оптимальным путем к достижению религиозного идеала², а монахи-созерцатели пользуются особым уважением, составляя общепризнанную «элиту» сангхи.

В средние века, однако, корейская буддийская традиция была намного богаче, включая в себя как равноправные элементы все основные направления дальневосточного буддизма. С учением доктринальных школ, делавших акцент на изучении канонических текстов, корейцы познакомились еще в эпоху проникновения буддизма на Корейский полуостров (IV — VI вв.). Созерцательные школы появились в Корее несколько позже, в VII — X вв., почти синхронно с формированием направления Чань в китайском буддизме. Наконец, в Корее с VII в. широко практиковался и дальневосточный вариант ваджраяны (кор. *милъгё* — букв. «тайное учение»).

В последующие столетия, когда буддизм пользовался всесторонней поддержкой государственной власти, основные направления этого учения развивались в Корее достаточно равномерно. Ведущее место в придворных ритуалах, однако, принадлежало ваджраянской обрядности. В рамках идеологии «буддизма, охраняющего государство» (кор. *хогук нульгё*), определявшего отношения сангхи и светской власти, эзотерические ритуалы рассматривались в качестве эффективного средства поддержания мира и благополучия в стране, а также защиты ее от внешних вторжений. Примеру правящего дома следовали и аристократы, видевшие в совершении ваджраянских ритуалов быстрый и надежный путь к обретению различных земных благ. Интерес к ваджраяне поддерживался также контактами между корейскими и тибетскими буддистами в конце XIII — XIV вв., когда государство Корё было вассалом империи Юань. Тибетские ламы, прибывавшие в Корею в составе официальных миссий, проводили при дворе сложные тантрические обряды, в которых участвовали не только монгольские принцессы — жены корейских государей³, но и сами правители страны. Кроме того, корейские монахи, посещавшие юаньскую столицу, встречались там с тибетскими ламами и даже проводили совместные церемонии⁴.

После падения государства Корё и установления власти династии Чосон (1392 — 1910) буддизм утратил статус официальной идеологии, уступив место неоконфуцианству. Более того, новая династия начала по-

следовательно проводить политику гонений на буддизм, выразившуюся в причислении монахов к самой низшей категории населения, уничтожении монастырей в городах, конфискации храмовой собственности, а также отмене государственных экзаменов для буддийских священнослужителей. Следствием был быстрый упадок всех направлений корейского буддизма, кроме школы Чань, которая, пережив гонения в отдаленных горных монастырях, сохранилась до наших дней.

В ритуальной практике современных корейских буддистов, однако, присутствуют многочисленные рудименты исчезнувших ныне ветвей буддийской традиции. К числу таких остаточных элементов принадлежит весьма распространенный обычай рецитации мантр (кор. *чинон*) и дхарани (кор. *тарани*)⁵. Достаточно сказать, что все китаезычные канонические сочинения, употребляемые в повседневной обрядности корейских буддистов, включают в себя санскритские формулы, а часто и прямо построены вокруг них. Так, читаемая во время каждой службы «Сутра сердца праджня-парамиты» (кор. *Махапанъяпарамильта-симгён*)⁶ завершается мантрой *Ачже ачже пара ачже пара сын ачже мочжи сабаха*. Другой обязательный элемент храмовых ритуалов — песнопение под названием «Поклонение Буддам [с подношением] пяти видов курений» (кор. *Обунхян йебильмун*)⁷ — также содержит соответствующую мантру (*Ом паара тобия хум*). Что же касается весьма популярной среди корейских буддистов «Сутры Тысячерукой» (кор. *Чхонсугён*)⁸, то различные мантры и дхарани едва ли не превосходят в ней по объему китайский текст⁹. Эта сутра открывается мантрами «очищения речи», «умиротворения духов пяти направлений» и «открытия врат сокровищницы Дхармы». Затем идет обширное славословие, адресованное бодхисаттве Авалокитешваре, после чего следует основная часть сутры — «Великое дхарани чудесных фраз», насчитывающее 490 слогов. Текст завершается покаянными *гатхами* и благопожеланиями, чередующимися с различными санскритскими формулами (среди последних фигурирует и знаменитая мантра Авалокитешвары, в корейизированном произношении звучащая как *Ом мани панме хум*). Наконец, мантры широко употребляются в «Сутре смирения» (кор. *Сосимгён*), читаемой во время ритуализированной монашеской трапезы (кор. *пару конъян*). Эта сутра включает в себя одиннадцать мантр, предназначенных, в частности, для «очищения» пищи, передачи ее частиц голодным духам и т. п.

Все перечисленные выше случаи относятся к рецитации мантр, входящих в состав определенных текстов. Обрядовая практика корейского буддизма, однако, знает чтение мантр и в качестве самостоятельной формы ритуальной деятельности. Обычно это имеет место в ходе индивидуальных или коллективных «молений» (кор. *кидо*). В корейской буддийской традиции под названием *кидо* обычно подразумеваются различные девotionalные практики, осуществляемые с целью получить благое кармическое воздаяние. Первая из названных особенностей отличает *кидо* от чаньской медитации, субъект и объект которой фактически совпадают, а вторая — от молитвы авраамических религий, подразумевающей, что осу-

шествование желаний верующего является результатом не его собственных усилий, а помощи свыше. С технической точки зрения, *кидо* заключается в совершении земных поклонов, чтении сутр, повторении имени Будды¹⁰ или рецитации мантр на протяжении определенного числа дней (3, 7, 21, 100 и даже 1000). Буддисты-миряне, как правило, прибегают к практике *кидо* для решения различных житейских проблем — налаживания отношений в семье, обретения материального достатка, успешной сдачи экзаменов, восстановления здоровья и т. п.¹¹ Среди монахов, напротив, принято обращаться к *кидо* преимущественно для преодоления препятствий, мешающих им вступить на избранный путь практики¹². Наконец, верующие могут использовать *кидо* для того, чтобы обеспечить благоприятное перерождение своим умершим родственникам¹³.

Если проанализировать степень популярности различных видов *кидо*, то чтение мантр (в первую очередь — мантры Авалокитешвары, а также «Великого дхарани чудесных фраз») окажется достаточно распространенным¹⁴. Тем не менее, эта практика — всего лишь осколок комплексной религиозной традиции ваджраяны, остальные элементы которой в Корее ныне утрачены. Методика рецитации мантр предполагает простое устное повторение соответствующей санскритской формулы, не сопровождающееся никакими дополнительными внешними (*мудры*) или внутренними (визуализации) действиями. Возможно, именно простота техники определила и то обстоятельство, что в современном корейском буддизме отсутствует обычай давать какие-либо посвящения на чтение мантр¹⁵. Основной акцент при работе с мантрой делается на сосредоточенном и непрерывном повторении этой формулы, исключающем какие-либо посторонние мысли. Аналогичные требования предъявляются и к другим видам *кидо*, что приводит к сближению или даже полному отождествлению этих практик. Как отмечал наставник Ильтха (1929 — 1999), в ходе *кидо* «можно повторять и „Мантру великого сострадания“, и имя бодхисаттвы Авалокитешвары, и формулу „Слава будде Амидабхе“, и слово „*маха-праджняпарамита*“. Следует лишь выбрать что-нибудь одно и усердно это твердить»¹⁶. Более того, чтение мантры или иной формулы часто рассматривается как своего рода упрощенный вариант чаньской медитации, способный в некоторых случаях даже привести адепта к пробуждению. Именно таким путем, например, следовали в своей практике известные деятели современного корейского буддизма наставники Суволь (1855 — 1928) и Сунсан (1927 — 2004). Первый из них, неграмотный монастырский истопник, за работой непрерывно читал «Мантру великого сострадания», в результате чего вступил в «самадхи Тысячерукой» и достиг пробуждения. Впоследствии Суволь стал ближайшим учеником и преемником великого наставника созерцания Кёнхо (1849 — 1912)¹⁷. Эту же мантру использовал в своей практике и наставник Сунсан, сто дней предававшийся подвижничеству в горах Вонгаксан¹⁸.

Таким образом, в то время как сохранение обычая рецитации мантр в современном корейском буддизме может рассматриваться как яркое

свидетельство значения «ваджраянской составляющей» для древней и раннесредневековой буддийской традиции Кореи, изменение психотехнической базы этой практики говорит о безусловном доминировании идеологического комплекса чань в позднесредневековом и современном корейском буддизме.

Примечания:

¹ Корейские последователи школы Линь-цзи используют в качестве объекта медитации (кор. *хваду*) специально отобранные короткие рассказы об эксцентричных действиях или высказываниях выдающихся монахов древности. Считается, что если практикующий сумеет постичь мотив подобного поступка, то он автоматически достигнет той же степени просветления, что и герой рассказа. Техника работы с *хваду* (предполагающая абсолютную вовлеченность практикующего в медитацию на протяжении многих лет или даже десятилетий) ориентирована преимущественно на монахов, хотя в последние годы предпринимались отдельные попытки преподавать ее и мирянам. Подробнее см.: Buswell R. E., Jr. The Zen Monastic Experience. Buddhist Practice in Contemporary Korea. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 149 — 160.

² Так, наставник Кусан (1908 — 1983) довольно резко отзывался о тех, кто «повторяет имя Будды или читает сутры в надежде возродиться в Чистой земле», разъясняя, что «это глупое занятие, поскольку они ищут Будду не внутри себя, а где-то в другом месте. Но если бы они стали искать свой собственный ум и познали его, они бы поняли, что сами изначально являются Буддами. Пробудившись к пониманию своего ума, они немедленно освоили бы обеты, постигли смысл сутр и вошли в Чистую землю. Когда человек достигает пробуждения, этот мир становится Чистой землей. Другой Чистой земли нет. Поэтому наиболее эффективной и истинной практикой является стремление постичь свой ум» (*Kusan Sunim. The Way of Korean Zen. Tr. by M. Fages. Ed. with an introd. by S. Batchelor. New York — Tokyo: Weatherhill, 1985. P. 143*).

³ Юаньские правители, желая укрепить связь государства Корё со своей империей, не только воспитывали корейских принцев при своем дворе, но и женили их на монгольских принцессах. Этот обычай установился со времен Чхуньёль-вана (1275 — 1308) и существовал до конца династии Корё (1392).

⁴ Краткий обзор истории контактов корейских и тибетских буддистов в эпоху Корё см.: Sorensen, H. H. Lamaism in Korea during the Late Koryo Dynasty // Korea Journal. Vol. 33, No. 3 (Autumn 1993). P. 67 — 81.

⁵ Цитируемые ниже мантры транскрибируются в соответствии с их современным коренизированным произношением.

⁶ Рус. пер. этого текста см.: Торчинов Е. А. Введение в буддологию. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 231 — 234.

⁷ Англ. пер. этого текста см.: Buswell R. E., Jr. The Zen Monastic Experience. Buddhist Practice in Contemporary Korea. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 231 — 232.

⁸ Англ. пер. этого текста см.: Buswell R. E., Jr. The Zen Monastic Experience. Buddhist Practice in Contemporary Korea. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 236 — 242.

⁹ Текст «Сутры Тысячерукой» насчитывает в общей сложности 1948 слогов (учитывая то, что некоторые его элементы, особенно мантры, должны при чтении повторяться трижды). На долю китайского текста приходится 1185 слогов (60,8 %), а на долю санскритского — 763 слога (39,2 %). Подсчет производился по изданию «Сутры Тысячерукой» в сборнике: *Синпхён пультха ёмсон чип* («Вновь отредактированный сборник песнопений буддиста»). Сеул: Сонмун чхульпханса, 1997. С. 19 — 55.

¹⁰ Термин «повторение имени Будды» (кор. *ёмбуль*, в дословном переводе — «памятование [о] Будде») достаточно условен, поскольку объектом этой практики не обязательно является Будда. Рецитироваться может и имя бодхисаттвы (среди последних наибольшей популярностью пользуется Авалокитешвара), и имя божества, и даже какой-либо философский термин (например, *маха-праджняпарамита*).

¹¹ Так, например, настоятель монастыря Сонгванса наставник Кусан (1908 — 1983) в молодости, когда он был еще мирянином, предпринял стодневное *кидо* (рецитацию мантры Авалокитешвары), чтобы вылечиться от тяжелой болезни. Успех этого *кидо* побудил его впоследствии связать свою судьбу с буддизмом. Подробнее см.: *Buswell R. E., Jr. The Zen Monastic Experience. Buddhist Practice in Contemporary Korea*. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 64.

¹² К примеру, известный деятель корейского буддизма Хан Ёнун (1879 — 1944) смог приступить к практике медитации не раньше, чем десять тысяч раз прочитал «Мантру великого сострадания» (другое название «Великого дхарани чудесных фраз»). Подробнее см.: *Ильтха. Сэнхваль сок-ый кидопон* (Практика *кидо* в обыденной жизни). Сеул: Хёрим, 2004. С. 101 — 103.

¹³ Для подобного *кидо* часто употребляется «Мантра ясного света», состоящая из двадцати девяти слогов. Подробнее см.: *Ильтха. Сэнхваль сок-ый кидопон* (Практика *кидо* в обыденной жизни). Сеул: Хёрим, 2004. С. 134 и след.

¹⁴ Для приблизительной оценки степени распространенности различных типов *кидо* у корейских буддистов нами была проанализирована книга современного буддийского наставника Ильтха «Кидо» (Сеул: Хёрим, 2000). Всего в этом сочинении зафиксировано 52 эпизода *кидо*, из которых технически может быть идентифицировано 31. Из них 19 эпизодов (61,3 %) приходятся на повторение имени Будды, 7 эпизодов (22,5 %) — на поклоны, 4 эпизода (13 %) — на рецитацию мантр и 1 эпизод (3,2 %) — на чтение сутр.

¹⁵ Институт посвящений как таковой вообще отсутствует в корейском буддизме. Единственным, хотя и отдаленным, его аналогом можно считать обычай избирать тему для медитации (кор. *хваду*) не самостоятельно, а получать ее от кого-либо из старших и уважаемых монахов.

¹⁶ *Ильтха. Кидо*. Сеул: Хёрим, 2000. С. 85.

¹⁷ Подробнее см.: *Ильтха. Кидо*. Сеул: Хёрим, 2000. С. 80 — 82.

¹⁸ Подробнее см.: *Mu Soeng Sunim. Thousand Peaks. Korean Zen — Tradition and Teachers*. Berkeley: Parallax Press, 1987. P. 192 — 194.